

В. Е. ТРИОДИН,

заведующий кафедрой теории социально-культурной деятельности СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ

ГИМН ЛИЧНОСТИ

Переход от пленарного заседания к «круглому столу» имеет свою логику. Д. С. Лихачев считал, что есть предел числу людей, работающих вместе. Если научный коллектив многочислен, результаты работы снижаются. Камерный характер «круглого стола» обещает повысить научную продуктивность его участников.

Я вспоминаю, как на дискуссии, посвященной судьбе российской интеллигенции, Даниил Александрович Гранин закончил свое выступление на грустной ноте. Он сказал что-то вроде того, что и интеллигенция сходит с исторической сцены, и он смотрит в будущее с пессимизмом. Дмитрий Сергеевич тут же отреагировал, заметив, что пессимизм — привилегия марксизма — самого пессимистического учения, поскольку в нем сознание поставлено в зависимость от материального фактора.

В интервью последних лет Дмитрий Сергеевич подчеркивал, что мысль обретает материальное воплощение. Не материя лежит в основе, а дух, нравственность, культура.

Но меня сейчас интересуют не абстрактные философские построения о первичности материи или сознания, а социальные последствия приоритета того или иного фактора. Опыт нашего поколения позволяет еще раз убедиться в ряде незыблемых истин.

Если демократия опережает культуру, рождается, как говорил Солженицын, «пиратское государство с демократическим флагом». Рынок вне культуры становится вульгарным базаром. Свобода слова, не цементируемая культурой, превращается в отвратительное паясничанье.

Дмитрий Сергеевич видел, как перерождаются ценности, за которые мы все боролись, и знал причину этого перерождения. И это, как мне кажется, привело его к итоговому определению места и роли культуры в обществе.

Как утверждал Дмитрий Сергеевич, культура представляет главный смысл и глобальную ценность существования народов, этносов, государств. Вне культуры самостоятельное их существование лишается смысла. Дмитрий Сергеевич, по существу, поставил культуру в один ряд с жизнью. И потому право на культуру должно стоять в одном ряду с правом на жизнь, правами человека.

Мне кажется, лучшим памятником Дмитрию Сергеевичу было бы высеченное из скалы надгробье с лихачевской формулой культуры.

Мое поколение сформировано на, казалось, незыблемом положении о народных массах как носителе культуры. Оно так увлеченно изучало роль этих масс, что совсем позабыло о личности. Тем неожиданнее и интереснее для меня был гимн Д. С. Лихачева личности. Едва ли не в каждом публичном выступлении Дмитрий Сергеевич говорил об уникальных возможностях личности. Да вся жизнь самого Дмитрия Сергеевича — опровержение сомнительной поговорке «Один в поле не воин». Дмитрий Сергеевич придерживался противоположного взгляда. Он считал, что от отдельной личности зависит больше, чем от Сената или выстраданного документа, и сопротивление личности сильнее сопротивления коллектива. Потому Петр I и заменил патриаршество Синодом. Коллективом управлять легче. «Героем, — говорил Дмитрий Сергеевич, — может быть полководец, а не Генеральный штаб. Гениальным может быть ученый, и нет гениальной научной школы».

В связи с этим для меня представляет особый интерес подход Дмитрия Сергеевича к границам и возможностям воспитания. Российская история перенасыщена мессиями, старавшимися перевоспитать человечество. Дмитрий Сергеевич считал, что исправить человечество нельзя, можно исправить только самого себя, и сделать это очень просто. Надо накормить ребенка, перевести через улицу старуху, уступить место инвалиду, хорошо работать и т. д.

«Что можно сделать для России, если ничего сделать нельзя?» — спрашивал Дмитрий Сергеевич. И отвечал: «Делай самого себя».

Чехов, между прочим, из самого себя по капле выдавливал раба. В этом и состоит суть воспитания интеллигента. Я глубоко убежден, что проблема воспитания интеллигента — прежде всего проблема самовоспитания.

Следует определиться и с термином «воспитание интеллигента». Интеллигент — это идеал. Свообразие идеала состоит в том, что по мере приближения к нему он все больше

от нас удаляется. Поэтому, строго говоря, воспитать интеллигента нельзя. Можно стремиться к той или иной степени достижения идеала. Не случайно одна из секций получила название «Российский интеллигент как этический идеал воспитания». Не могу согласиться с теми, кто ставил под сомнение название секции.

Странно было слушать выступающих, которые обвиняли интеллигенцию во всех смертных грехах: «предавала, угодничала, подличала» и т. д. Если базовое понятие интеллигента — совесть, то этот набор обвинений никакого отношения к нему не имеет. Причина в вольном или невольном отождествлении интеллигенции с творческими работниками. А быть писателем или художником вовсе не значит быть интеллигентом.

Граница между обществом и личностью подвижна. Философ В. С. Соловьев верно подметил, что «общество есть дополненная или

расширенная личность, а личность — сжатое или сосредоточенное общество». Вот почему у нас есть все основания использовать ведущие качества интеллигента, такие как совесть, нравственность, образованность, и при характеристике общества в целом, его институтов, государства. В России должны быть интеллигентные, то есть совестливые, общество и государство.

Мера «сжатости» определяет соотношение личности и общества. Есть личности, которые «расширяемы» до уровня общества и даже обгоняют его, определяя характер его развития. Д. С. Лихачев был такой личностью. В равной мере непреходящую ценность имеют и научные идеи, и этические ценности, и общественные идеалы, которые он отстаивал самой своей жизнью. И потому решительно не могу согласиться с мнением коллеги, который в будущем видит Лихачева только как ученого.